

Фантом

Пенсионное хулиганство

Фанни М.

Пенсионное хулиганство

<https://litres.ru/74413379>

SelfPub; 2026

Аннотация

Четверо обитателей дома престарелых «Тихая гавань», устав от невыносимой столовской еды, задумывают дерзкий план: взломать компьютер завхоза и заказать продукты из своей молодости — селёдку, хлеб с майонезом, пироги. Но вместо системы заказа еды они случайно попадают в программу управления городским транспортом. Автобусы начинают кружить вокруг дома, светофоры мигают в ритме вальса, а город погружается в хаос. Полиция сбита с толку: подозреваемые — глухие, безобидные старики. Комедия о дружбе, дерзости и о том, что даже на пенсии жизнь способна преподносить сюрпризы.

Содержание

Глава 1. Секретное совещание в комнате отдыха, или Как не надо варить кашу	4
Глава 2. Вальс светофоров, или Как мы случайно остановили город	36
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Фанни М.

Пенсионное хулиганство

Глава 1. Секретное совещание в комнате отдыха, или Как не надо варить кашу

Запах, проникавший сквозь щели неплотно прикрытых дверей столовой дома престарелых «Тихая гавань», был способен свалить с ног даже привычного человека. Это было сложное, многослойное амбре, сотканное из ароматов переработанной капусты, картофельного пюре, восстановленного из порошка, и той особой, ни с чем не сравнимой ноты, которую даёт только подгоревшее подсолнечное масло, используемое, судя по интенсивности запаха, в промышленных масштабах. В воздухе висело нечто серое, тяжёлое и липкое, словно сам дух безысходности обрёл физическую форму и решил поселиться именно здесь, в этом коридоре с выцветшими обоями в цветочек.

За длинными столами, покрытыми клеёнками, протёртыми до дыр в самых неожиданных местах, чинно восседали обитатели «Тихой гавани». Точнее, не восседали, а скорее несли вахту. Каждый обед был сродни пересечению пустыни:

нужно было дойти от раздачи до своего места, не расплескав жидкий суп, именуемый в меню «рассольником ленинградским», и сохранить остатки самообладания. Сегодняшний день не стал исключением.

Валентина Петровна, дама семидесяти трёх лет, с высокой, всё ещё гордой причёской седых волос и пронзительными голубыми глазами, которые видели на своём веку и дефицит, и очереди, и перестройку, брезгливо помешивала ложкой в своей тарелке. Ложка была алюминиевая, погнутая, с какими-то тёмными пятнами, не поддающимися никакой полировке. В тарелке, по замыслу повара, должен был находиться суп-лапша. По факту, там плавало несколько разварившихся макаронных изделий в мутной воде, в которой одиноко дрейфовали три полупрозрачных кружочка моркови и одинокий лавровый лист, похожий на обломок древнего папируса. Валентина Петровна, всю жизнь проработавшая инженером на заводе точных приборов, а потому привыкшая к точности и определённости, не могла понять, как из простых продуктов можно было сотворить такое. Она поднесла ложку поближе к свету, падающему из окна, и прищурилась.

— Вы только посмотрите, — произнесла она вполголоса, обращаясь к своему соседу по столу, Аркадию Моисеевичу.

Аркадий Моисеевич, бывший школьный учитель физики, а ныне главный скептик и философ «Тихой гавани», в свои восемьдесят лет сохранил ясный ум и невероятно густые, совершенно белые брови, которые, казалось, жили собствен-

ной жизнью. Он снял очки, протёр их салфеткой (бумажной, шершавой, из рулона, который стоял на каждом столе) и тоже внимательно посмотрел на ложку Валентины Петровны.

— А что вы хотели, Валечка? — спросил он с лёгкой иронией. — Это же, по всей видимости, молекулярная кухня. Только наыворот. Они не собирают молекулы в новые структуры, а разбирают любую структуру на безликую молекулярную массу. Лапша, видите ли, растворилась в воде, отдав ей всю свою сущность. Суп имени Ленардо да Винчи. Тайная вечеря для желудка.

— Тайная вечеря для желудка, — хмыкнула Валентина Петровна, отодвигая тарелку. — Скорее уж, панихида. Мой желудок от таких тайн уже три месяца в трауре. Аркадий Моисеевич, я серьёзно. Это ни в какие ворота не лезет. Посмотрите на второе.

Она кивнула на тарелку с неким подобием котлеты. Котлета была серой, прямоугольной формы, словно её штамповали на заводе по производству строительных блоков. Она лежала на комке пюре, которое имело консистенцию клея для обоев, и выглядела такой же съедобной, как сам завод по производству этих блоков. Рядом, в качестве гарнира, сиротливо притулились две ложки тушёной капусты, имевшей подозрительный фиолетовый оттенок.

За столом, напротив, сидел Иван Кузьмич, мужчина могучего телосложения, бывший боцман торгового флота. Ему было семьдесят восемь, но он до сих пор ходил в тельняшке,

из-под которой выглядывали якоря на жилистых руках, выцветшие до бледно-голубого цвета. Иван Кузьмич был человеком дела и не любил долгих рассуждений. Он долго и подозрительно смотрел на свою котлету, затем постучал по ней вилкой. Раздался глухой, деревянный стук.

— Эх, — выдохнул он сокрушённо, и его пышные седые усы, похожие на два пучка морской пакли, уныло обвисли. — Вот скажите мне, какого лешего... В пятидесятых, когда я юнгой на сейнере ходил, у нас кок так камбалу жарил! С пылу с жару! А это что? Якорь мне в глотку! Это, простите за выражение, не котлета, а траурная доска. По таким в порту поминальные списки вывешивают.

— Тише, Иван Кузьмич, — зашипела на него сидевшая рядом Зинаида Павловна, маленькая, сухонькая старушка, похожая на одуванчик, с пучком седых волос на затылке и быстрыми, как у мышки, глазками. Она всегда всего боялась. — Услышат. Могут ведь и компота лишить.

— Вашим компотом, Зинаида, только сапоги мыть, — проворчал боцман, но всё же понизил голос. — Отрава, а не компот. Крашеная вода с сахарозаменителем. Стыдоба.

За столом воцарилось тягостное молчание, нарушаемое лишь звяканьем ложек и тихим шамканьем тех обитателей, которые, смирившись со своей участью, мужественно поглощали содержимое тарелок. Но настроение было испорчено окончательно. Валентина Петровна смотрела на своих друзей, и в её сердце закипала не старческая ворчливость, а

нечто большее. Это было чувство оскорблённой справедливости. Люди, прожившие большую и трудную жизнь, отдавшие силы и здоровье своей стране, заслуживали на закате лет хотя бы нормального борща и настоящей, а не резиновой котлеты.

Обед закончился так же уныло, как и начался. На третье подали кисель, который невозможно было ни выпить, ни съесть — он был ни жидким, ни твёрдым, а каким-то скользким и дрожащим, как медуза, выброшенная на берег. Валентина Петровна, едва пригубив, решительно отставила стакан.

— Всё, — сказала она негромко, но с такой стальной ноткой в голосе, что Аркадий Моисеевич, который вяло ковырял ложечкой в киселе, тут же поднял на неё глаза. — Так дальше продолжаться не может.

— Согласен, — кивнул он. — Но что вы предлагаете, дорогая Валентина Петровна? Написать жалобу в районный отдел социальной защиты? Мы уже писали. Ответ был: «Питание соответствует утверждённым нормам калорийности и санитарным требованиям». Калорийность, видите ли, у них в порядке. А то, что половина этих калорий оседает на подошвах ботинок, а не в наших желудках, — это уже детали.

— Написать ещё одну жалобу? — встрепенулась Зинаида Павловна. — Только вы уж тогда, Валентина Петровна, от моего имени тоже напишите. А то у меня почерк неровный, рука трясётся.

— Жалобы — это хорошо, — задумчиво произнёс Иван

Кузьмич, задумчиво разглядывая свою пустую тарелку, словно в её узорах искал ответ. — Но, как показывает практика, начальству на них чихать с высокой колокольни. Им бы только отчётность в порядке держать. Растраты, то-сё. А что старики голодные ходят — так это наша личная проблема.

— Именно поэтому, — Валентина Петровна выпрямилась на стуле, и в её осанке проявилась та самая инженерная выправка, которая когда-то позволяла ей отчитывать целые цеха, — я предлагаю действовать не через жалобы, а напрямую.

— Как это — напрямую? — поинтересовался Аркадий Моисеевич, с любопытством глядя на неё.

— Напрямую, Аркадий Моисеевич, — это значит взять ситуацию в свои руки. Раз администрация не хочет слышать нас и наши просьбы, заставить их услышать. Или, как минимум, показать, что мы не бессловесный скот, который можно кормить отходами.

— Бунт на корабле? — в глазах Ивана Кузьмича вспыхнул огонёк. — Это по-нашему, по-флотски. Давно пора. Только бунтовать-то как? Сил уже не те, чтобы на баррикады. Вон у меня колено левое, сволочь, третий день ноет, в сырость. А у Зинаиды давление скачет от любого волнения.

— Зачем же баррикады, Иван Кузьмич? — Валентина Петровна хитро улыбнулась. — Мы не на баррикады пойдём. Мы пойдём другим путём. Более... интеллектуальным.

После обеда, вместо того чтобы разойтись по комнатам на тихий час или унылое смотрение сериалов в холле, четверо

заговорщиков под предлогом игры в шахматы уединились в маленькой комнате отдыха, расположенной в самом конце коридора на втором этаже. Комната эта была маленькой, с низким потолком, окном, выходящим на задний двор, и вечным запахом пыли и старой бумаги. Там стоял продавленный диван, круглый стол с гнутыми ножками и книжный шкаф, забитый подшивками журнала «Здоровье» за восьмидесятые годы и потрёпанными детективами в мягких обложках. Но главное — дверь этой комнаты запиралась изнутри.

Валентина Петровна плотно закрыла дверь, повернула ключ и, убедившись, что за ними никто не наблюдает, водрузила на стол свою выдавшую виды дамскую сумочку. Из неё, словно фокусник из шляпы, она извлекла блокнот в клеточку, остро заточенный карандаш и... очки в массивной роговой оправе.

— Итак, — начала она, водрузив очки на нос и обведя собравшихся взглядом, — прошу минуту внимания. Мы собрались здесь, чтобы обсудить план действий, который я предлагаю назвать... «Операция Вкусная Молодость».

— Звучит интригующе, — хмыкнул Аркадий Моисеевич, устраиваясь поудобнее на диване, который под ним жалобно скрипнул. — И что же входит в эту операцию? Диверсия на кухне? Подсыпать соли в компот поварихе?

— Повариха, Нина, — подала голос Зинаида Павловна, — она не виновата. Ей продукты такие выдают. Она и сама, бедная, это не ест. Говорят, у неё язва.

— Значит, проблема в системе заказов и поставок, — констатировала Валентина Петровна. — Я это давно подозревала. Продукты закупаются самые дешёвые, по остаточному принципу. А разница в цене, я полагаю, оседает в карманах нашей многоуважаемой администрации, в частности, заведующего, Виктора Петровича.

— Вот жук! — Иван Кузьмич с чувством ударил кулаком по подлокотнику дивана, отчего тот жалобно взвизгнул. — А ходит в костюме, как английский лорд! И машину новую купил, блестящую такую, буржуйскую.

— Тише, Кузьмич, — поморщился Аркадий Моисеевич. — Вы нам диван сломаете. Или, чего доброго, привлечёте внимание санитарки. Давайте по существу. Валентина Петровна, я так понимаю, у вас есть какой-то конкретный план. Не томите.

Валентина Петровна поправила очки и открыла блокнот на чистой странице.

— План таков, друзья мои. Мы знаем, что заказы на продукты теперь делаются через компьютер. В кабинете у завхоза, Степаныча, стоит этот... как его... ноутбук. И вся отчётность, и заявки — всё через него. Я это точно знаю, потому что видела, как Степаныч, кряхтя и чертыхаясь, одним пальцем тыкал по кнопкам.

— Ну и что? — не понял Иван Кузьмич. — Мы что, должны этот ноутбук выкрасть? Так это статья! Хулиганство!

— Зачем же выкрасть? — Валентина Петровна снисходи-

тельно улыбнулась. — Мы должны взломать.

— Взломать? — хором переспросили Зинаида Павловна и Иван Кузьмич, а Аркадий Моисеевич издал звук, похожий на сдержанный смешок.

— Валентина Петровна, душа моя, — сказал он, — вы, конечно, инженер блестящий, но взлом компьютерных систем — это не расчёт прочности балки. В нашем возрасте осваивать хакерское искусство... Боюсь, мы скорее умрём от голода, чем научимся взламывать чужие компьютеры.

— А вот здесь, Аркадий Моисеевич, вы недооцениваете прогресс и мою способность к самообразованию, — парировала Валентина Петровна. — Я, между прочим, уже три месяца, как записана в городскую библиотеку и хожу туда на курсы компьютерной грамотности для пожилых людей. Правда, курс называется «Компьютер — это просто», но мы уже прошли дальше. Нас, представьте себе, даже научили пользоваться «электронной почтой» и... искать информацию в «Глобальной сети».

— Ох ты! — восхитился Иван Кузьмич. — Вот это по-нашему! Алиса, спроси у этого компьютера, как взломать завхоза!

— Иван Кузьмич, «Алиса» — это голосовой помощник, а не вызов духа, — усмехнулся Аркадий Моисеевич. — И всё же, Валентина Петровна, между умением отправить электронное письмо и взломом защищённой системы покупок — пропасть. Вы уж простите мой скептицизм.

— А я и не говорила, что всё будет просто, — не смутилась Валентина Петровна. — Но я наводила справки. И знаете, что самое удивительное? Защита у этой системы, как бы это помягче выразиться... как у носового платка.

— То есть? — прищурился боцман.

— Я разговорила с внуком нашего вахтёра, с Димкой. Он приходит к деду на выходные. Парень смышлёный, учится на программиста. Я его подкармливала конфетами, которые мне племянница привозит, и аккуратно расспросила о том, как вообще защищают такие системы. И о том, как их обычно взламывают.

— И что он вам поведал? — с любопытством подался вперёд Аркадий Моисеевич.

— Много чего интересного. Например, что самая главная проблема в безопасности — это человеческий фактор. Люди используют простые пароли, записывают их на бумажках и клеят прямо на монитор или под клавиатуру. Потому что боятся забыть.

— И вы думаете, что наш Степаныч... — начала Зинаида Павловна, и её глаза расширились от осознания.

— Уверена, — кивнула Валентина Петровна. — Степаныч — человек старой закалки. Ему компьютер доверили, как обезьяне гранату. Он им пользуется только потому, что начальство заставило. И пароль у него, я полагаю, записан на какой-нибудь бумажке, приклеенной к столу или к самому ноутбуку. В крайнем случае, это что-то простое, вроде даты

рождения или слова «завхоз».

— Гениально! — прошептал Иван Кузьмич. — Значит, нам нужно всего лишь пробраться в кабинет, найти бумажку с паролем и ввести его в этот чёртов ящик?

— Именно, — подтвердила Валентина Петровна. — Но это, так сказать, техническая часть. Есть ещё и часть, хм, практическая.

— И в чём она заключается? — поинтересовался Аркадий Моисеевич.

— В том, чтобы, войдя в систему, мы смогли изменить заказ. Мы заменим то, что закупает администрация, на то, что хотим есть мы. На блюда из нашей молодости! Представьте себе, Иван Кузьмич, настоящий борщ со свежей капустой, с мясом на сахарной косточке. Котлеты из домашнего фарша, пышные, сочные. Пироги с капустой и яйцом, как пекла моя мама. А на третье — не дрожащую медузу, а настоящий клюквенный кисель, густой, ложка стояла! Или компот из сухофруктов, наваристый, пахнущий летом.

В комнате воцарилась мечтательная тишина. Каждый из присутствующих на мгновение унёсся мыслями в прошлое, в те времена, когда еда была не просто способом наполнить желудок, а целым ритуалом, несущим радость и тепло.

— Сельдь, — вдруг хрипло произнёс Иван Кузьмич. — Хлеб чёрный с горчицей и лучком, а к ней — селёdochка жирная, под майонезом, с колечками лука. И сальце тоненько нарезанное, с чесночком, на бородинском хлебушке. Эх-ма!

— А я, — робко подала голос Зинаида Павловна, — очень любила в детстве творожную запеканку с изюмом. Чтобы корочка была золотистая, а внутри нежная-нежная. И ещё... ватрушку с повидлом. Повидло густое, яблочное, чтобы губы слипались.

— Друзья мои, всё это будет на нашем столе, если мы будем действовать слаженно и тихо, — вернула всех к реальности Валентина Петровна. — Мы не просто наедемся сами, мы восстановим справедливость. Пусть все в «Тихой гавани» вспомнят, что такое настоящая еда.

— И заодно утрём нос этому жуку, Виктору Петровичу! — добавил Иван Кузьмич, потирая руки. — А то ишь, разогнался — крабы со скидкой для стариков заказывать! Мы ему покажем крабов! Сельдь под майонезом!

— Сельдь под майонезом, — повторил Аркадий Моисеевич, поправляя очки. — А что, в этом что-то есть. Вызов обществу потребления. Восстание вкусовых рецепторов. Экзистенциальный бунт против диктатуры безвкусицы. Я с вами.

— Тогда, друзья, обсудим детали, — сказала Валентина Петровна, придвигая к себе блокнот. — Нам нужно понять, где точно стоит компьютер, в какие часы кабинет завхоза пустует, и, самое главное, — как отвлечь бдительность Степаныча.

— Степаныча можно отвлечь разговором про рыбалку, — предложил Иван Кузьмич. — Он на это дело падкий, аж дрожит весь.

— Нет, Иван Кузьмич, — покачала головой Валентина Петровна. — Нам нужно что-то более надёжное. Разговор о рыбалке может закончиться быстро. А нам нужно гарантированно минут двадцать, а лучше полчаса, чтобы без помех покопаться в системе.

— Может, устройство какое-нибудь устроить? — неуверенно предложила Зинаида Павловна. — Например, замок в туалете на первом этаже заклинить? Он и так еле держится. Пока Степаныч будет его чинить...

— Или подложить ему на стол письмо от «таинственной поклонницы» с приглашением на свидание в дальнюю беседку? — хохотнул Иван Кузьмич.

— Кузьмич, не фривольничайте, — строго одёрнула его Валентина Петровна, хотя в её глазах плясали смешинки. — У Степаныча радикулит, какая уж там беседка. Нет, нам нужен план простой и надёжный. И я, кажется, знаю какой.

Она наклонилась вперёд, и все четверо заговорщиков инстинктивно придвинулись ближе, почти соприкоснувшись лбами. Голос Валентины Петровны упал до заговорщицкого шёпота.

— Наш человек на кухне — повариха Нина. Она, как вы знаете, тоже не в восторге от того, что ей приходится готовить. Я уже говорила с ней. Она согласилась нам помочь.

— Нина? — удивилась Зинаида Павловна. — Но она же такая... незаметная.

— Вот именно, — кивнула Валентина Петровна. — В

этом и весь фокус. В пятницу, в два часа дня, у Степаныча по расписанию приём товара. Он будет занят на складе. В это же время Нина позвонит ему по внутреннему телефону и скажет, что на кухне прорвало трубу и она заливает подвал. Паника, суматоха. Степаныч, как материально ответственное лицо, обязан немедленно всё бросить и бежать смотреть. Этому ему никто не простит, если он проигнорирует.

— А мы в это время... — глаза Аркадия Моисеевича заблестели. — Проникаем в кабинет.

— Именно. Ваша задача, Аркадий Моисеевич, — стоять на шухере у входа в административный коридор. Если увидите кого-то из начальства, подадите знак. Зинаида Павловна и Иван Кузьмич будут страховать меня у самой двери кабинета. А я зайду внутрь. Степаныч, уходя, кабинет на ключ не закрывает. Слишком часто он бежит на склад.

— А если кто-то всё же застукает нас? — дрожащим голосом спросила Зинаида Павловна. — Вдруг заведующий выйдет из своего кабинета? Он же в конце этого же коридора сидит.

— У Виктора Петровича в пятницу в два часа планёрка в районе, — отчеканила Валентина Петровна. — Я специально проверила расписание на доске объявлений. В пятницу его не будет.

— А если Степаныч окажется не на складе? — продолжала сомневаться Зинаида Павловна.

— Он там, — уверенно заявил Иван Кузьмич. — Он в

это время всегда там. Принимает у поставщиков ворованные продукты. Я его сто раз видел. Полтора часа стоит, считает ящики, а потом идёт греться чаем.

— Ну, если так, — Зинаида Павловна робко улыбнулась, — то план действительно... как вы говорите, надёжный.

— План отличный! — с воодушевлением сказал Иван Кузьмич. — Главное — не дрейфить! Действовать решительно, как на abordage. Ворвались, сделали дело, вышли. И никто не узнает.

— Будем надеяться, — заключила Валентина Петровна, закрывая блокнот. — Итак, друзья мои, предлагаю считать «Операцию Вкусная Молодость» открытой. Действуем в пятницу, в четырнадцать ноль-ноль. А до этого — никому ни слова. Клянись!

— Клянёмся! — хором произнесли Аркадий Моисеевич, Иван Кузьмич и Зинаида Павловна.

Они ударили по рукам, и их сморщенные ладони сплелись в единый узел. В тусклом свете комнаты отдыха, среди запаха пыли и старых журналов «Здоровье», родился заговор, которому вскоре предстояло перевернуть жизнь не только дома престарелых «Тихая гавань», но и всего города, заставив даже самых серьёзных людей остановиться и с изумлением смотреть на то, как последнее хулиганство пенсионеров парализовало городской транспорт и заставило светофоры танцевать вальс. Но до этого было ещё целых несколько дней. Пока же четверо друзей, воодушевлённые и немного испу-

ганные своей дерзостью, разошлись по своим комнатам, чтобы до пятницы вести себя тихо и незаметно, а по ночам видеть во сне хлеб с майонезом и селёдку.

После того как заговорщики поклялись хранить тайну и разошлись по своим комнатам, жизнь в «Тихой гавани» внешне потекла своим чередом, но для четверых сообщников каждый день теперь был наполнен скрытым напряжением и едва сдерживаемым предвкушением. Они старались вести себя как обычно, но это получалось не всегда. Валентина Петровна, всегда отличавшаяся ровным характером, вдруг стала рассеянной: в среду за завтраком она положила себе в чай две ложки горчицы вместо сахара и, только сделав глоток, с изумлением уставилась в чашку, но, заметив вопросительный взгляд соседки по столу, мужественно допила всё до дна, сделав вид, что так и было задумано. Зинаида Павловна, и без того пугливая, теперь вздрагивала от каждого телефонного звонка и при звуке шагов за дверью её комнаты. Иван Кузьмич, наоборот, ходил с таким загадочным и важным видом, что санитарка Люба, женщина наблюдательная и языкаястая, как-то поинтересовалась, не собирается ли он жениться. На что боцман, погладив усы, ответил: «Люба, твоими бы устами да мёд пить. Но у меня на горизонте дела посерьёзнее, чем женитьба. Гораздо серьёзнее». И подмигнул так заговорщицки, что Люба ещё долго ломала голову, что бы это значило.

Аркадий Моисеевич, как самый рассудительный из всех,

взял на себя роль стратегического наблюдателя. Он ежедневно, под предлогом прогулок по коридору, проходил мимо кабинета завхоза, запоминая, в какие часы тот бывает на месте, когда отлучается на склад и как долго отсутствует. Свои наблюдения он записывал в маленький блокнотик, который прятал в кармане пижамной куртки. В четверг вечером, встретившись с Валентиной Петровной у окна в конце коридора, он доложил:

— Ситуация стабильная, Валечка. Степаныч — человек привычки. В пятницу, с двух до трёх, он будет принимать товар. Я проследил за ним на этой неделе. В понедельник он был на складе ровно час и двадцать минут. Во вторник — час и десять. В среду опять час двадцать. Синхронность, достойная швейцарских часов. Так что у нас будет достаточно времени.

— Отлично, Аркадий Моисеевич, — прошептала Валентина Петровна, глядя в окно на серый больничный двор. — Нина подтвердила, что завтра в четырнадцать ноль-ноль устроит на кухне небольшой потоп. Она перекроет вентиль и откроет кран под мойкой, а потом позвонит Степанычу по внутреннему номеру. Всё будет выглядеть очень убедительно.

— А пароль? — поинтересовался Аркадий Моисеевич, понизив голос до едва слышного шёпота.

— С этим придётся импровизировать, — призналась Валентина Петровна. — Я уверена, что пароль где-то записан.

Степаныч не тот человек, который может держать в голове сложные комбинации. Его память, как решето, — всё, что не касается рыбалки и огорода, вылетает мгновенно.

— Рыбалка, говорите... — Аркадий Моисеевич задумчиво пожевал губами. — А если пароль — это название какой-нибудь рыбы? Или снасти? Лещ? Удочка? Поплавок?

— Всё может быть, — кивнула Валентина Петровна. — Но у меня есть запасной вариант. Дима, внук вахтёра, рассказывал, что часто люди ставят паролем дату рождения. У Степаныча день рождения в марте, кажется, пятнадцатого числа. Или шестнадцатого. Я уточню у Зинаиды, она ведёт календарь всех дней рождения жильцов и персонала.

— У неё на всё есть календарь, — улыбнулся Аркадий Моисеевич. — Зинаида — это ходячий архив. Только бы она от волнения не забыла, где этот архив лежит.

— Ничего, справимся, — Валентина Петровна сжала его локоть. — Главное — не паниковать. Мы с вами не такие уж немощные, какими нас тут считают.

Ночь на пятницу была для заговорщиков почти бессонной. Каждый ворочался в своей постели, прокручивая в голове завтрашние действия и рисуя в воображении картины будущего триумфа. Иван Кузьмич, лёжа на спине и глядя в потолок, мысленно составлял список продуктов, которые он закажет в системе. В его списке, помимо селёдки, хлеба и сала, значились также солёные огурчики, помидорчики, квашеная капуста и, почему-то, вобла. «Вобла к пиву хороша,

— рассуждал он про себя, — но пива-то нам не положено. Ладно, воблу можно и так пожевать, как семечки». Зинаида Павловна перебирала в уме рецепты запеканок и ватрушек, время от времени всхлипывая от умиления. Валентина Петровна репетировала про себя каждое движение: вот она заходит в кабинет, вот садится на скрипучий стул Степаныча, вот осматривает стол, вот находит заветную бумажку с паролем... А Аркадий Моисеевич лежал и размышлял о том, что любая революция, даже гастрономическая, требует дисциплины и чёткого распределения ролей. Поэтому он мысленно составил для каждого из них подробную инструкцию, которую утром собирался продиктовать.

Пятница началась, как и все предыдущие дни, с подъёма в семь утра и унылого завтрака. На этот раз в меню значилась «молочная рисовая каша». По факту это была серая, клейкая масса, в которой редкие рисинки плавали, как осколки кораблекрушения. Валентина Петровна, взглянув на свою тарелку, почувствовала, как её решимость окрепла. «Сегодня вечером, — подумала она, — я не буду это есть. Сегодня вечером я буду есть настоящую еду». Она отодвинула тарелку, но, чтобы не привлекать внимания, сделала вид, что ждёт, пока каша остынет. Зинаида Павловна, сидевшая напротив, нервно крошила кусочек серого хлеба и украдкой поглядывала на часы, висевшие над раздачей. Иван Кузьмич с аппетитом, которому позавидовал бы и молодой матрос, умял свою порцию, не чувствуя вкуса, — его мысли были уже да-

леко, в кабинете завхоза. Аркадий Моисеевич, как всегда, философствовал, но сегодня его философия была заряжена особым азартом.

— Дорогие мои, — произнёс он, отодвигая пустую тарелку, — сегодня исторический день. День, когда униженные и оскорблённые, но не сломленные, поднимутся против тирании бессмысленной безвкусицы. Пусть эти стены слышат: мы не сдадимся!

— Тише вы, Аркадий Моисеевич! — зашипела на него Зинаида Павловна, испуганно оглядываясь по сторонам. — А вдруг услышат!

— Пусть слышат, — гордо ответил Аркадий Моисеевич, но всё же понизил голос до шёпота. — Пусть знают, что в «Тихой гавани» есть ещё порох в пороховницах.

— Порох-то есть, — проворчал Иван Кузьмич, — только вот спички бы не подмочить.

Время до обеда тянулось мучительно медленно. Заговорщики разбрелись по своим обычным местам: кто в холл смотреть телевизор, кто в библиотеку, кто на лавочку перед входом, благо погода стояла сухая и солнечная. Но мысли всех четверых были сосредоточены на одном — на стрелках часов, которые, казалось, застыли намертво. Валентина Петровна дважды заходила к себе в комнату, чтобы проверить, на месте ли её дамская сумочка с блокнотом и карандашом. Иван Кузьмич несколько раз прохаживался мимо двери кабинета завхоза, делая вид, что направляется в туалет, и каж-

дый раз его сердце начинало биться чуть быстрее. Зинаида Павловна, сидя в холле, делала вид, что вяжет носок, но спицы в её руках дрожали, и петли получались неровными. Аркадий Моисеевич, расположившись в библиотеке с томиком Чехова, не мог прочесть ни строчки — буквы прыгали перед глазами, а в голове крутился план предстоящей операции.

Обед, как назло, был ещё более отвратительным, чем обычно. Подавали тот самый «рассольник ленинградский», о котором ходили легенды, и гречневую кашу с подозрительной коричневой подливкой, отдающей горелым луком. Но никто из четверых даже не притронулся к еде. Они сидели за своим столом, изредка переглядываясь, и ждали, когда стрелка часов наконец подползёт к двум. В половине второго Валентина Петровна, извинившись, встала из-за стола и направилась к выходу. Аркадий Моисеевич, выждав пару минут, последовал за ней. Иван Кузьмич и Зинаида Павловна, как было условлено, должны были присоединиться к ним у входа в административный коридор ровно без двух минут два.

Административный коридор находился на первом этаже, в левом крыле здания, за двойными дверями с матовыми стёклами. Там располагались кабинеты заведующего, его заместителя, завхоза и бухгалтерия. Простым жильцам вход туда был не запрещён, но и не поощрялся — обычно туда ходили только по вызову или с какими-нибудь жалобами. По-

этому появление группы пенсионеров в этом коридоре могло вызвать вопросы. Но расчёт был на то, что в пятницу после обеда административный персонал частично расходился по домам, а частично занимался своими делами за закрытыми дверями.

Ровно без одной минуты два все четверо собрались в небольшом закутке возле пожарного шкафа, откуда хорошо просматривался вход в административный коридор. Валентина Петровна, поправив очки, оглядела своих сообщников. Зинаида Павловна была бледной, как простыня, и судорожно сжимала в руках носовой платок. Иван Кузьмич, наоборот, покраснелся и дышал так, будто пробежал стометровку. Аркадий Моисеевич сохранял видимое спокойствие, но его брови, казалось, жили своей собственной, крайне нервной жизнью.

— Друзья, — прошептала Валентина Петровна, — всё идёт по плану. Сейчас Нина позвонит Степанычу. Мы услышим звонок по внутренней связи. Как только он выйдет из кабинета и направится на кухню, мы начинаем действовать. Аркадий Моисеевич, вы занимаете пост у дверей. Зинаида, вы идёте со мной до двери кабинета. Иван Кузьмич, вы остаётесь в коридоре, на случай, если кто-то появится.

— А если появятся? — дрожащим голосом спросила Зинаида.

— Если появятся, Иван Кузьмич скажет, что он ищет туалет, — пояснила Валентина Петровна. — Заблудился. С кем

не бывает.

— Ага, заблудился в родном доме престарелых, где живу уже пять лет, — хмыкнул боцман. — Ну, допустим. А если спросят про вас?

— Про нас никто не спросит, потому что никто не увидит, — отрезала Валентина Петровна. — Мы будем действовать быстро и тихо.

Ровно в четырнадцать ноль-ноль, как по команде, в глубине административного коридора раздался приглушённый телефонный звонок. Заговорщики замерли. Через несколько секунд послышался звук открывающейся двери, торопливые шаги и недовольное бурчание:

— Чёртова баба! Вечно у неё всё ломается! Только ушёл — и на тебе, потоп! Ну, я ей сейчас устрою! — это, несомненно, был Степаныч собственной персоной. Его грузная фигура в сером рабочем халате промелькнула в конце коридора и скрылась за поворотом, ведущим на кухню.

— Пора! — скомандовала Валентина Петровна.

Они выскользнули из своего укрытия и гуськом, стараясь ступать как можно тише, двинулись по административному коридору. Здесь было полутемно: лампы дневного света горели через одну, создавая причудливую игру света и тени. Пахло канцелярской пылью, старыми бумагами и той особой казённой тоской, которая присуща всем чиновничьим помещениям. Шаги четверых стариков гулко отдавались в пустом коридоре, и Зинаиде Павловне казалось, что этот звук слы-

шен всему дому. Она судорожно вцепилась в рукав Валентины Петровны.

— Тише, Зинаида, — прошептала та, не оборачиваясь. — Не сжимайте так руку, я же не канат.

Дверь кабинета завхоза была второй по счёту с левой стороны. Обычная, обитая коричневым дерматином, с табличкой «Завхоз Степанов В. П.». Валентина Петровна остановилась перед ней и на мгновение прислушалась. Из-за двери не доносилось ни звука. Она осторожно нажала на ручку. Дверь, как и ожидалось, оказалась незапертой. Валентина Петровна обернулась к своим спутникам.

— Иван Кузьмич, вы остаётесь здесь. Смотрите в оба. Если что — кашляните два раза.

— Есть, — по-военному ответил боцман и вытянулся по стойке смирно, насколько позволяла его больная спина.

— Зинаида Павловна, вы — со мной.

— Может, я лучше тут, с Иваном Кузьмичом? — жалобно пропищала Зинаида.

— Нет, — твёрдо сказала Валентина Петровна. — Вы мне нужны внутри. У вас глаз намётанный, вы быстро найдёте бумажку с паролем.

— Да какой у меня глаз... — попыталась возразить Зинаида, но Валентина Петровна уже потянула её за собой в кабинет.

Кабинет завхоза представлял собой небольшое прямоугольное помещение, заставленное самой разнообразной ме-

белю. У окна стоял массивный письменный стол, покрытый зелёным сукном, на котором царил невообразимый беспорядок: тут лежали папки с документами, коробки с канцелярскими скрепками, сломанный калькулятор, обрывки каких-то накладных и старый, заляпанный пятнами термос. Вдоль стен выстроились стеллажи с картонными коробками, в которых, судя по этикеткам, хранились то ли образцы моющих средств, то ли запасы мыла и туалетной бумаги. В углу примостился несгораемый шкаф, выкрашенный в унылый серый цвет. Но самое главное — на краю стола, рядом с кипой бумаг, стоял ноутбук. Это был старый, громоздкий аппарат с потёртой крышкой и наклейками каких-то рыболовных брендов. Он был закрыт, и на его поверхности лежала жёлтая стикерная бумажка, исписанная неровным почерком.

Валентина Петровна, войдя, сразу направилась к столу. Зинаида Павловна, затаив дыхание, оглядывалась по сторонам, словно ожидая, что из-за каждого стеллажа сейчас выпрыгнет Степаныч с криком «Ага, попались!». Но в кабинете было тихо. Только мерно тикали настенные часы, висевшие над дверью, да где-то за окном, на заднем дворе, лениво переругивались вороны.

— Так, — пробормотала Валентина Петровна, усаживаясь на скрипучий стул Степаныча, который жалобно застонал под её весом. — Посмотрим, что тут у нас.

Она взяла в руки жёлтую бумажку, лежавшую на ноутбуке. На ней крупными печатными буквами было написано:

«ПАРОЛЬ: СКЛАД». Ниже, более мелко, приписано карандашом: «или 12345».

— Ну вот, — с торжествующей улыбкой произнесла Валентина Петровна, поворачиваясь к Зинаиде. — Я же говорила! Даже два варианта. Проще не бывает.

— Ой, — выдохнула Зинаида, прижимая руки к груди. — А вдруг это неправильный пароль?

— Проверим, — спокойно ответила Валентина Петровна и открыла крышку ноутбука.

Аппарат издал протяжный, ностальгический звук загрузки, напоминающий скрип несмазанной двери. Экран мигнул и медленно загорелся, явив взгляду двух заговорщиц рабочий стол, забитый ярлыками каких-то программ и документов. Валентина Петровна, подслеповато щурясь, надела очки и принялась изучать экран.

— Так, где тут у нас ввод пароля? — пробормотала она. — А, вот, появилось окошко. Требуется имя пользователя и пароль.

— Имя пользователя? — переспросила Зинаида. — А какое имя? Может, «Степаныч»?

— Скорее всего, просто «завхоз» или «стеклов», — предположила Валентина Петровна. — Смотрите, Зинаида, на клавиатуре, может, тоже бумажка есть.

Зинаида Павловна, дрожащими руками начала осматривать клавиатуру, но ничего не нашла. Тогда она заглянула под ноутбук, под подставку, под кипу бумаг — и вдруг,

вскрикнув, извлекла из-под стопки накладных сложенный вчетверо листок.

— Вот! — прошептала она, протягивая находку Валентине Петровне. — Кажется, это то, что нужно!

Валентина Петровна развернула листок. На нём было написано: «Логин: savhoz». Ниже: «Пароль: sklad12345».

— Ну конечно, — усмехнулась она. — «Savhoz» — это же «завхоз» латинскими буквами! А пароль — «склад» плюс цифры. Всё, как и предполагалось.

— Так это что, латиница? — испуганно спросила Зинаида. — А мы сможем её ввести? Я латинские буквы плохо помню.

— Не беспокойтесь, — успокоила её Валентина Петровна. — Я помню. На клавиатуре они все нарисованы. Нам нужно просто нажать нужные клавиши.

Она уверенно положила пальцы на клавиатуру и начала набирать. Буквы на экране появлялись одна за другой, складываясь в заветное слово. Зинаида Павловна, затаив дыхание, следила за этим процессом, как за магическим действием. Ей казалось, что сейчас произойдёт что-то невероятное, что перед ними откроется дверь в мир, полный настоящей, вкусной, человеческой еды.

Наконец, логин был введён. Валентина Петровна, переведя дух, ввела пароль. На экране появилась надпись «Загрузка...». Через несколько секунд рабочий стол сменился на окно какой-то программы, напоминающей электронную табли-

цу.

— Получилось! — выдохнула Зинаида. — Получилось!

— Тихо! — шикнула на неё Валентина Петровна. — Не кричите. Иван Кузьмич подумает, что у нас что-то случилось.

Но Иван Кузьмич, стоявший за дверью, уже и сам чувствовал, что что-то происходит. Он приложил ухо к дерматиновой обивке и изо всех сил старался расслышать, что творится внутри. До него долетали лишь обрывки фраз: «Получилось», «Тихо», «Набирайте». Его распирало от любопытства и нетерпения. Он уже представлял себе, как через несколько минут они будут заказывать селедку, сало, огурцы и, может быть, даже копчёную скумбрию.

В этот момент в конце коридора слышались шаги. Иван Кузьмич вздрогнул и обернулся. По коридору, размахивая какими-то бумажками, шла бухгалтерша, Марья Ивановна, женщина пятидесяти лет с высокой причёской и вечно недовольным выражением лица. Она направлялась, судя по всему, в кабинет заведующего.

Иван Кузьмич, вспомнив инструкцию, принял максимально независимый вид и сделал вид, что изучает плакат по технике пожарной безопасности, висевший на стене. Марья Ивановна, поравнявшись с ним, подозрительно покосилась.

— Иван Кузьмич, вы что тут делаете? — спросила она тоном, не предвещавшим ничего хорошего.

— Да вот, Марья Ивановна, — начал боцман, не оборо-

чиваясь, — решил вспомнить, как правильно пользоваться огнетушителем. Память-то уже не та. А вдруг пожар, а я не готов.

— Пожар? — переспросила Марья Ивановна, прищурившись. — Какой ещё пожар? Вы что, курили в неподобающем месте?

— Да что вы, как можно! — оскорбился Иван Кузьмич. — Я, между прочим, всю жизнь на флоте прослужил, там с огнём строго. Это я так, для профилактики. Инструктаж, так сказать.

Марья Ивановна хмыкнула, покачала головой и, бросив на боцмана ещё один недоверчивый взгляд, продолжила свой путь. Иван Кузьмич, дождавшись, пока она скроется за дверью кабинета заведующего, облегчённо выдохнул и постучал два раза костяшкой пальца по двери кабинета завхоза — условный сигнал опасности.

Внутри Валентина Петровна как раз разбиралась с интерфейсом программы. Она вглядывалась в экран, читая названия вкладок: «Заявки», «Поставщики», «Меню», «Отчёты». Пальцы её слегка дрожали, но она старалась сохранять хладнокровие.

— Так, — шептала она, — нам нужна вкладка «Заявки» или «Меню». Наверное, здесь можно сделать новый заказ.

— Смотрите, Валентина Петровна, — Зинаида Павловна, осмелев, придвинулась ближе, — вот тут, в углу, написано «Создать заявку». Нажмите!

— Да, вижу, — кивнула Валентина Петровна и нажала на кнопку.

Экран мигнул, и перед ними развернулась новая страница с множеством полей и выпадающих списков. В глазах у обеих женщин зарябило от обилия букв и цифр. Они не сразу заметили, что программа, в которую они вошли, называется не «Система заказа продуктов питания», а нечто совсем иное. В верхней части окна было написано: «Автоматизированная система управления городским транспортом. Модуль: Маршрутизация».

— Что-то тут странное, — пробормотала Валентина Петровна, вглядываясь в заголовок. — Зинаида, прочитайте, что написано сверху.

Зинаида Павловна, прищурившись, прочитала по слогам:

— Ав-то-ма-ти-зи-ро-ван-на-я сис-те-ма уп-рав-ле-ни-я го-род-ским транс-пор-том. Мо-дуль: Марш-ру-ти-за-ци-я.

— Что? — Валентина Петровна отшатнулась от экрана. — Это что за чушь? Мы же должны были войти в систему заказа продуктов! Что за транспорт?

— Наверное, мы что-то не то нажали, — предположила Зинаида, испуганно глядя на экран. — Или, может, это так и должно выглядеть? Может, у них теперь всё объединено?

— Что вы несёте, Зинаида! Какое объединено! — Валентина Петровна сняла очки и протёрла их платочком. — Это какая-то ошибка. Или... или мы вошли не в ту систему.

— Как не в ту? — упавшим голосом переспросила Зина-

ида.

— А вот так! — Валентина Петровна огляделась по сторонам, словно ища подсказку. — Этот ноутбук, похоже, не завхозовский. Или... Или Степаныч по ошибке оставил здесь не тот компьютер.

— Ой, беда-то какая! — всхлипнула Зинаида Павловна. — Надо уходить! Скорее!

— Подождите! — остановила её Валентина Петровна, вглядываясь в экран. — Не паникуйте. Если мы вошли в чужую систему, то надо немедленно выйти, пока никто не заметил. Но как это сделать?

Она заметалась взглядом по экрану, ища кнопку «Выход». Но вместо этого её взгляд упал на список, озаглавленный «Маршруты». Там перечислялись номера автобусов и их направления. И в этот момент, в самый разгар её паники, где-то в глубине программы что-то щёлкнуло, и на экране высветилось сообщение: «Автоматическое сохранение выполнено. Данные обновлены. Применение новых настроек через 30 секунд».

— Что это? — прошептала Зинаида. — Что оно сохранило?

— Понятия не имею, — честно ответила Валентина Петровна. — Но мне это не нравится. Мы, кажется, только что что-то изменили.

Она судорожно начала нажимать на кнопки, пытаясь отменить действие, но программа не реагировала на её попыт-

ки. На экране тем временем одна за другой начали появляться новые строки, а названия маршрутов стали сменяться на одно и то же: «Прогулка вокруг дома престарелых».

— Зинаида, — тихо произнесла Валентина Петровна, и в её голосе впервые послышался настоящий страх, — мы, кажется, только что взломали не ту систему.

Глава 2. Вальс светофоров, или Как мы случайно остановили город

Тишина, повисшая в кабинете завхоза после слов Валентины Петровны, была такой плотной, что, казалось, её можно было резать ножом. Зинаида Павловна замерла, не донеся руку до рта, которым она собиралась в ужасе всхлипнуть. Валентина Петровна застыла перед экраном, на котором, сменяя друг друга, бежали строки с названиями городских маршрутов, и все они, как заколдованные, превращались в одно и то же: «Прогулка вокруг дома престарелых». В углу экрана нетерпеливо мигала надпись: «Применение новых настроек через 18 секунд... 17... 16...»

— Валентина Петровна, — наконец выдавила из себя Зинаида Павловна голосом, похожим на писк застигнутой врасплох мыши, — что же мы наделали? Это же... это же... весь город!

— Зинаида, — Валентина Петровна, не отрывая глаз от экрана, произнесла с ледяным спокойствием, которое совершенно не вязалось с выражением её лица, — сейчас не время для паники. Сейчас время для... для... — она запнулась, подыскивая слово, — для спасительного бегства.

— Бегства? — Зинаида Павловна часто-часто заморгала. — Куда? Мы же не можем просто так уйти! Надо что-то ис-

править! Надо всё вернуть, как было!

— А вы знаете, как это сделать? — спросила Валентина Петровна, наконец оторвавшись от экрана и взглянув на подругу. — Я, признаться, не имею ни малейшего представления. Эта система, она... она как гигантский осьминог, щупальца которого опутали весь город. И мы, как два неразумных ребёнка, сунули в этот организм палку. Осталось только понять, в какое место.

— Осьминог... — прошептала Зинаида, вцепившись в спинку стула. — Зачем же вы так пугаете, Валентина Петровна? И без того страшно.

— Я не пугаю, — ответила Валентина Петровна, — я констатирую факт. Исходя из того, что я вижу, мы только что перенаправили все автобусы города на круговой маршрут вокруг нашего дома. Это, наверное, очень романтично с точки зрения сюрреализма, но с точки зрения городской логистики — полный крах.

— Но как же так вышло? — не унималась Зинаида Павловна, у которой от страха начали подгибаться колени. — Мы же хотели заказать селёдку! При чём тут автобусы?

— При том, Зинаида Павловна, — вздохнула Валентина Петровна, — что мы с вами вошли не в ту программу. По всей видимости, на этом ноутбуке стояла не только система заказа продуктов, но и ещё что-то. Что-то гораздо более серьёзное. И мы, не разобравшись, нажали не туда.

В этот момент снаружи, из-за двери, донёсся условный

стук — два торопливых удара костяшками пальцев. Это Иван Кузьмич, потеряв терпение, напоминал о себе.

— Нам пора, — решительно произнесла Валентина Петровна, закрывая крышку ноутбука. — Иван Кузьмич нервничает. Да и нам не следует здесь задерживаться.

— А как же... как же это всё? — Зинаида Павловна обвела руками кабинет, словно пытаясь вобрать в себя весь масштаб катастрофы.

— А это уже, как говорил один известный персонаж, не наши проблемы. Пока что, — многозначительно добавила Валентина Петровна, поднимаясь со скрипучего стула. — Главное — не оставить следов. Сейчас мы выйдем отсюда с самым невинным видом, разойдёмся по своим комнатам и сделаем вид, что весь день смотрели сериалы. Понятно?

— Понятно, — кивнула Зинаида, хотя в её глазах читалось, что ей ничего не понятно, кроме одного: нужно уходить.

Валентина Петровна поправила очки, одёрнула кофту и направилась к двери. Зинаида Павловна, как привязанная, последовала за ней, на ходу пытаясь придать своему лицу выражение беззаботности, что ей совершенно не удавалось. Её бледное лицо было похоже на лицо человека, который только что случайно разбил любимую вазу начальника и теперь делает вид, что это не он.

Когда дверь кабинета распахнулась, Иван Кузьмич, стоявший снаружи с видом часового, едва не подпрыгнул от

неожиданности.

— Ну наконец-то! — прошептал он, бросая тревожные взгляды по сторонам. — Я уж думал, вы там заснули! Тут Марья Ивановна прошла, чуть не застучала. Еле отбрехался пожарной безопасностью.

— Не до разговоров, Иван Кузьмич, — отрезала Валентина Петровна, быстрым шагом направляясь к выходу из административного коридора. — Аркадий Моисеевич где?

— На посту, у входа, — отрапортовал боцман, едва поспевая за женщинами. — Сидит, делает вид, что читает газету. Я ему два раза кашлянул, он понял, что вы выходите.

Действительно, у дверей, ведущих из административного крыла в общий коридор, на жёстком стуле сидел Аркадий Моисеевич. Перед ним была развёрнута газета «Вечерний город», которую он держал вверх ногами, но делал вид, что увлечённо читает. Заметив приближающуюся группу, он неторопливо сложил газету, поднялся и, не говоря ни слова, пристроился к процессии.

Вчетвером они прошли по коридору до самого конца, повернули направо, миновали холл, где несколько старушек мирно дремали перед телевизором, и, стараясь не привлекать внимания, поднялись по лестнице на второй этаж. Только оказавшись в спасительной тишине комнаты отдыха, они позволили себе перевести дух. Валентина Петровна, закрыв дверь на ключ, прислонилась к ней спиной и закрыла глаза. Зинаида Павловна рухнула на диван, обмахиваясь носовым

платком. Иван Кузьмич, озадаченный всеобщим молчанием, смотрел то на одну, то на другую.

— Да что случилось-то? — не выдержал он. — Вы такие лица сделали, будто на вас упал шкаф. Неужели не получилось? Пароль не подошёл?

— Пароль подошёл, — глухо ответила Валентина Петровна, не открывая глаз. — Даже слишком хорошо подошёл, Иван Кузьмич. Пароль открыл нам дверь в такие дебри, из которых нам теперь придётся выбираться с большим трудом.

— Это вы о чём, Валечка? — насторожился Аркадий Моисеевич. — Объясните толком.

Валентина Петровна открыла глаза, оттолкнулась от двери и, пройдя к столу, села на стул. Она сняла очки, протёрла их, снова надела и только после этого обвела взглядом своих сообщников.

— Друзья мои, — начала она, — должна вам сообщить пренеприятнейшее известие. Мы с Зинаидой Павловной, сами того не желая, проникли не в систему заказа продуктов, а в систему управления городским транспортом.

В комнате повисла гробовая тишина. Иван Кузьмич застыл с открытым ртом. Аркадий Моисеевич, который как раз поправлял очки, так и замер с поднятой рукой.

— Куда? — наконец переспросил боцман, решив, что ослышался.

— В систему управления городским транспортом, — повторила Валентина Петровна. — В ту самую, которая отве-

чает за движение автобусов, троллейбусов, трамваев и, вероятно, светофоров.

— Светофоров?! — Иван Кузьмич опустился на подлокотник дивана, поскольку ноги его не держали. — Вы хотите сказать, что мы... это... остановили движение в городе?

— Не то чтобы остановили, — задумчиво произнесла Валентина Петровна, вспоминая то, что видела на экране. — Скорее, перенаправили. Все маршруты, судя по тому, что я успела увидеть, теперь ведут вокруг нашего дома. И светофоры, кажется, тоже перепрограммированы.

— Это как же? — не понял Аркадий Моисеевич.

— А вот так, — Валентина Петровна развела руками. — Мы, видите ли, нажали на какую-то кнопку, и система сама начала обновлять настройки. Я хотела отменить действие, но не успела. Программа заявила, что «применение новых настроек» произойдёт через тридцать секунд. И, когда мы уходили, на экране уже было написано, что все автобусные маршруты заменены на один-единственный: «Прогулка вокруг дома престарелых».

— Мать честная! — Иван Кузьмич схватился за голову. — Это же... это же катастрофа! Теперь нас точно посадят!

— Тише, Кузьмич, не кричите, — поморщился Аркадий Моисеевич, хотя по его лицу было видно, что новость его потрясла не меньше. — Давайте рассуждать здраво. Во-первых, никто не знает, что это сделали мы. Во-вторых, даже если узнают, попробуй докажи, что старики способны взло-

мать компьютерную систему. Это звучит абсурдно.

— Абсурдно! — всхлипнула Зинаида Павловна. — Абсурдно — это когда автобусы ездят кругами вокруг дома престарелых! Вот что абсурдно!

— Зинаида, успокойтесь, — Валентина Петровна постаралась придать своему голосу максимум твёрдости. — Аркадий Моисеевич прав. Паника нам не поможет. Давайте дышать ровно и думать, что делать дальше.

— А что тут думать? — проворчал Иван Кузьмич. — Надо сидеть тихо, как мыши под веником, и надеяться, что никто ничего не узнает. Вон, у меня уже колено от нервов разболелось. И сердце в пятки ушло.

— Сердце в пятки — это фигуральное выражение, — заметил Аркадий Моисеевич. — А колено у вас, Иван Кузьмич, болит от перемены погоды. Это не связано с нашей авантюрой.

— Да какая разница! — отмахнулся боцман. — Главное, что у меня теперь полный бардак в душе. Мы хотели селёдку, а получили транспортный коллапс. Где справедливость?

— Справедливость, Иван Кузьмич, — философски произнёс Аркадий Моисеевич, — вещь тонкая. Иногда она оборачивается к нам самой неожиданной стороной. Но, как говорится, назвался груздем — полезай в кузов. Мы начали это дело, нам и расхлёбывать.

— И что вы предлагаете? — скептически поинтересовалась Зинаида. — Вернуться и всё исправить? Но мы же не

знаем как!

— А вот тут, — Валентина Петровна подняла вверх указательный палец, — я прошу вас довериться мне. Я ещё не всё понимаю в этой системе, но кое-что запомнила. Если мы сможем ещё раз попасть в кабинет, я попробую разобраться. Но не сейчас. Сейчас нам всем нужно успокоиться и разойтись по своим местам. Вечером мы встретимся снова и обсудим план.

— Вечером? — Иван Кузьмич недоверчиво посмотрел на неё. — А если нас арестуют раньше?

— Не арестуют, — уверенно сказала Валентина Петровна, хотя сама в это не до конца верила. — Полиции сейчас будет не до нас. Им предстоит разбираться с транспортным хаосом. А мы, как порядочные пенсионеры, будем сидеть в своих комнатах и смотреть телевизор. Между прочим, если кто-то спросит, где мы были после обеда, говорите, что гуляли в парке. Поняли?

— Поняли, — хором ответили все, хотя голоса их звучали не очень уверенно.

Разошлись быстро, без лишних слов. Зинаида Павловна, уходя, то и дело оглядывалась, словно ожидала, что из-за угла выскочит отряд полиции. Иван Кузьмич шёл, насупившись, и бормотал себе под нос какие-то морские ругательства, которые невозможно было разобрать. Аркадий Моисеевич сохранял внешнее спокойствие, но в глубине души понимал, что их, как он любил выражаться, «тихая гавань» се-

годня перестала быть тихой.

Валентина Петровна, оставшись одна в своей комнате, села к окну и уставилась на улицу. За окном был виден кусок городского проспекта, по которому сновали машины. И то, что она увидела через несколько минут, заставило её сердце сжаться от тревоги и, признаться, какого-то странного, почти детского восторга.

По проспекту, один за другим, медленно двигались автобусы. Они были разных маршрутов — двадцать третий, сорок седьмой, сто двенадцатый, — но все они, как замороженные, сворачивали на одну и ту же дорогу, ведущую к их дому. Это было похоже на гигантский хоровод, на миграцию огромных неуклюжих животных, повинующихся неведомому зову. Водители, высунувшись из кабин, озадаченно крутили головами, но продолжали ехать туда, куда указывала им новая программа.

В салонах автобусов творилось невообразимое. Пассажиры, мирно ехавшие по своим делам, вдруг начали замечать, что привычные улицы за окном сменяются какими-то незнакомыми переулками, а затем и вовсе — бесконечным парком, огибающим территорию дома престарелых. Сначала раздавались отдельные недоумённые вопросы: «Это что за маршрут?», «Почему мы едем в объезд?», «Водитель, вы куда?». Потом вопросы переросли в возмущённый гул, а затем и в откровенную панику.

Один из таких автобусов, двадцать третий, как раз проез-

жал под окнами дома престарелых. За рулём сидел немолодой водитель с седыми висками и усталым лицом, который работал на этом маршруте уже двадцать лет и знал каждую ямку на дороге. Сейчас он смотрел на дорогу с таким выражением, будто увидел перед собой живого динозавра.

— Да что же это такое! — бормотал он, крутя руль. — Я же должен был ехать на вокзал! А тут какая-то аллея! И знак этот дурацкий: «Прогулка вокруг дома престарелых»! Какой ещё, к лешему, прогулка?! Мне через три минуты на конечную!

В салоне было полно народу. Люди, прильнув к окнам, с изумлением смотрели на мелькающие за стеклом клумбы, скамейки и стариков, которые, в свою очередь, с не меньшим изумлением смотрели на нескончаемый поток автобусов. Среди пассажиров была молодая женщина с двумя тяжёлыми сумками, которая явно опаздывала на поезд, пожилой мужчина с газетой, который, казалось, был даже рад неожиданному разнообразию, и группа студентов, которые сначала смеялись, а потом начали всерьёз беспокоиться, что опоздают на экзамен.

— Водитель! — закричала женщина с сумками, пробираясь к кабине. — Что происходит? Почему мы катаемся по кругу? Мне нужно на вокзал! Мой поезд уходит через двадцать минут!

— Гражданка, не кричите, — ответил водитель, не оборачиваясь. — Я сам не понимаю. Диспетчер молчит, навига-

тор показывает какую-то чушь. Все автобусы, судя по всему, едут по этому маршруту.

— Как это все? — ахнула женщина. — И что нам делать?

— Ждать, — пожал плечами водитель. — Рано или поздно разберутся. Надеюсь.

Тем временем в городе начинался настоящий хаос. Перекрёстки, где обычно царил строгий порядок, превратились в сцену для абсурдного спектакля. Светофоры, повинаясь новой программе, начали мигать не красным, жёлтым и зелёным, а в ритме вальса. Раз-два-три, раз-два-три. Вспышки сменяли друг друга в такт, словно подчиняясь неслышному оркестру. Водители легковых автомобилей, подъезжая к перекрёсткам, не понимали, можно ли ехать. Одни тормозили, другие, наоборот, жали на газ, третьи просто останавливались посреди дороги, ошарашенно глядя на танцующие огни.

Особенно эффектно это выглядело на центральной площади, где располагалось несколько крупных светофорных объектов. Там, в ритме вальса, замигали сразу двенадцать светофоров, создавая иллюзию грандиозного светового бала. Вокруг собралась толпа зевак, которые снимали происходящее на телефоны. Некоторые даже начали пританцовывать, подхватив ритм. Какая-то женщина с авоськой, не удержавшись, сделала несколько па вальса прямо на пешеходном переходе, чем вызвала одобрительные возгласы окружающих.

Но в диспетчерской городского транспортного управле-

ния в это время было не до танцев. Дежурный диспетчер, молодой человек по имени Сергей, с бледным лицом вглядывался в мониторы, на которых отображалась схема движения транспорта. Схема напоминала не то детский рисунок, не то карту боевых действий. Все линии маршрутов сходились в одной точке — вокруг дома престарелых.

— Это какой-то сбой! — в отчаянии произнёс Сергей, хватаясь за телефон. — Надо звонить начальнику смены!

Начальник смены, грузный мужчина с одышкой, примчался через несколько минут. Он вбежал в диспетчерскую, на ходу застёгивая рубашку, и уставился на экраны.

— Что у нас? — рявкнул он. — Докладывай!

— Все маршруты перенастроены, — доложил Сергей дрожащим голосом. — Система сама поменяла настройки. Теперь все автобусы идут по маршруту «Прогулка вокруг дома престарелых». Светофоры мигают в ритме вальса. Это... это катастрофа.

— Отменить! — приказал начальник. — Верни всё, как было!

— Не могу! — развёл руками Сергей. — Система не отвечает на команды. Кто-то сменил пароль или заблокировал доступ. Я пытаюсь уже десять минут!

— Кто-то? — начальник смены нахмурился. — Кто? Найди мне этого «кого-то»!

— Понятия не имею! — Сергей чуть не плакал. — Сбой произошёл минуты три назад. Я даже не успел зафиксиро-

вать, откуда пришла команда. Просто раз — и всё поменялось.

— Вызывай техническую поддержку! — распорядился начальник. — Немедленно! И полицию! И... и всех, кого можно!

В это самое время в доме престарелых «Тихая гавань» заведующий, Виктор Петрович, сидел в своём кабинете и не подозревал о надвигающейся буре. Он просматривал свежие сметы и с удовольствием думал о том, как хорошо идут дела. Вдруг в дверь постучали. На пороге стояла Марья Ивановна, бухгалтерша, с лицом, не предвещавшим ничего хорошего.

— Виктор Петрович, — сказала она, — там такое творится...

— Что такое? — недовольно оторвался от бумаг заведующий. — Опять труба прорвала?

— Какая труба! — отмахнулась Марья Ивановна. — Вы в окно выгляньте! Все автобусы города ездят вокруг нашего дома! Я сама видела, как двадцать три автобуса подряд проехали мимо! И светофоры на перекрёстке мигают, как на дискотеке!

— Что за чушь! — Виктор Петрович недоверчиво поднялся и подошёл к окну. То, что он увидел, заставило его отшатнуться. Действительно, по дороге, огибающей территорию дома престарелых, бескончаемым потоком ехали автобусы. Это было похоже на парад, но какой-то очень странный, сюрреалистичный парад. Машины двигались медлен-

но, водители озадаченно выглядывали из кабин, а из салонов торчали головы изумлённых пассажиров.

— Это... это что такое? — пролепетал Виктор Петрович.
— Почему они здесь?

— Я же вам говорю! — всплеснула руками Марья Ивановна. — В городе что-то случилось! Может, авария какая-то на центральной магистрали, вот все и едут в объезд.

— Но вокруг нашего дома нет объездной дороги! — возразил Виктор Петрович. — Это же тупиковая улочка!

— Значит, что-то серьёзное, — констатировала Марья Ивановна. — Надо сообщить куда следует.

— Куда следует, — проворчал заведующий, доставая телефон. — Сейчас позвоню в диспетчерскую.

Но дозвониться ему не удалось — все линии были заняты. Тогда он набрал номер городской администрации, но и там никто не отвечал. Похоже, весь город был в смятении.

В комнате Валентины Петровны, тем временем, было тихо. Она сидела у окна и наблюдала за разворачивающимся зрелищем. В груди у неё боролись два чувства: ужас от осознания того, что они натворили, и какое-то постыдное, почти подростковое ликование. Ведь, согласитесь, не каждому пенсионеру удаётся устроить такой переполох. Она смотрела, как мимо проезжают автобусы, и вдруг поймала себя на мысли, что на одном из них, на заднем стекле, красуется наклейка с рыболовным брендом. «Прямо как у Степаныча на ноутбуке», — мелькнуло у неё в голове, и она невольно

улыбнулась.

Улыбка исчезла, когда в дверь её комнаты постучали. Это была санитарка Люба.

— Валентина Петровна, — заглянула она, — вы не слышали, что в городе творится? Говорят, все автобусы ездят вокруг нашего дома. Прямо мистика какая-то!

— Не слышала, — спокойно ответила Валентина Петровна, не оборачиваясь. — Я, знаете ли, прилегла отдохнуть после обеда. Немного задремала.

— Странно, — пожала плечами Люба. — Обычно вы в это время вяжете или читаете. Ну, отдыхайте. Я зайду попозже, принесу вам травяной чай.

— Спасибо, Люба, — кивнула Валентина Петровна. — Вы очень добры.

Когда дверь закрылась, она снова посмотрела в окно. Поток автобусов не прекращался. И вдруг, совершенно неожиданно для себя, Валентина Петровна начала тихонько напевать мелодию вальса. Раз-два-три, раз-два-три. Светофоры за окном мигали в такт, и казалось, что весь город танцует. «Ну что ж, — подумала она, — будем танцевать. Только как бы нам не оттоптали ноги».

В этот момент в соседней комнате Иван Кузьмич, сидя на кровати с грелкой на колене, тоже смотрел в окно и шептал:

— Эх, якорь мне в глотку! Что ж мы наделали-то? Селёдка-то теперь, поди, отменяется. Зато аттракцион невиданный — весь город катается вокруг нашего дома. Как на карусели.

Дурдом!

Зинаида Павловна, в своей комнате, задвинула шторы и накрылась одеялом с головой. Ей было страшно, но где-то глубоко внутри, в самой потаённой части души, тоже теплился огонёк странного веселья. «Вот так мы, старики, умеем, когда захотим!» — подумала она и сама испугалась этой мысли.

А в комнате отдыха, куда вечером должны были снова собраться заговорщики, уже начали раздаваться первые телефонные звонки от обеспокоенных родственников, которые спрашивали, что происходит в городе. Но это было только начало. Настоящая буря была ещё впереди.

Телефон в комнате отдыха дома престарелых «Тихая гавань» звонил не переставая. Это был старый аппарат с дисковым набором, стоявший на тумбочке у входа, и его пронзительная трель разносилась по всему второму этажу, заставляя вздрагивать даже тех, кто не имел к заговору никакого отношения. Звонили родственники, обеспокоенные тем, что в городе творится что-то неладное. Они спрашивали, всё ли в порядке, не затронул ли транспортный коллапс их стариков, и передавали слухи, один фантастичнее другого. Кто-то говорил, что городская система взломана хакерами-иностранцами, кто-то — что на дорогах случилось массовое нашествие сбежавших из зоопарка обезьян, которые переключили все светофоры. Последняя версия вызвала у Ивана Кузьмича неожиданный приступ кашля, который при-

шлось маскировать под застарелый бронхит.

К семи часам вечера, когда дневная суeta в доме престарелых пошла на убыль и большая часть обитателей разбре-лась по кроватям, четверо заговорщиков вновь собрались в комнате отдыха. На этот раз они пришли поодиночке, с ин-тервалом в несколько минут, делая вид, что их привело сю-да желание посмотреть вечерние новости. Валентина Пет-ровна принесла с собой маленький переносной радиоприём-ник, который поставила на стол. Аркадий Моисеевич прита-щил из библиотеки толстый справочник по городскому хо-зяйству, найденный им на одной из пыльных полок. Зинаи-да Павловна, бледная и осунувшаяся, явилась с пакетом су-шек, которые, по её словам, «надо же чем-то заедать стресс». Иван Кузьмич, кряхтя, уселся на скрипучий стул и первым делом стащил с ноги тапок, жалуясь на нестерпимое жжение в пятке.

— Началось, — произнёс он мрачно, потирая ногу. — Те-перь у меня ещё и пятка горит. Видать, к большим неприят-ностям.

— Это у вас, Иван Кузьмич, не к неприятностям, а к пере-мене погоды, — в который раз попытался урезонить его Ар-кадий Моисеевич, раскрывая справочник. — В атмосфер-ном давлении скачки. И вообще, давайте ближе к делу. Мы тут собрались не для того, чтобы обсуждать вашу пятку.

— А что её обсуждать? — обиделся боцман. — Она, мож-но сказать, пострадала на боевом посту.

— На боевом посту вы стояли у двери кабинета, а не бежали по коридорам, — отрезала Валентина Петровна, включая радиоприёмник. — Тише. Сейчас должны передавать экстренный выпуск новостей.

Радиоприёмник, побряхтев и посвистев, наконец настроился на волну городской радиостанции. Из динамика полился взволнованный голос диктора:

«...и мы вновь обращаемся к главной теме этого часа. Городской транспорт остановлен. Все автобусные маршруты, по неподтверждённым данным, перенаправлены на один и тот же путь, пролегающий вокруг дома престарелых „Тихая гавань“. Светофорное регулирование в центральной части города нарушено: светофоры переведены в некий музыкальный режим, напоминающий ритм вальса. На улицах образовались многокилометровые пробки. Сотрудники дорожной полиции работают в усиленном режиме, но пока не могут восстановить контроль над ситуацией. Причины происшествия выясняются. По одной из версий, произошёл технический сбой в автоматизированной системе управления транспортом. Не исключается и вероятность злонамеренного вмешательства. Мы будем держать вас в курсе событий».

В комнате повисла тяжёлая тишина. Зинаида Павловна, не донеся сушку до рта, застыла с открытым ртом. Иван Кузьмич перестал тереть пятку и уставился на радиоприёмник, словно тот был виновником всех бед. Аркадий Моисеевич снял очки и начал задумчиво протирать их краем рукава. Ва-

лентина Петровна, не мигая, смотрела в одну точку на стене.

— Ну вот, — наконец произнесла она, выключая приёмник. — Теперь мы официально в центре внимания. Правда, не так, как планировали.

— «Технический сбой», — горько усмехнулся Аркадий Моисеевич. — Если бы они знали, что этот „сбой“ устроили четыре пенсионера, вооружённые смекалкой и жёлтой бумажкой с паролем...

— Тише вы! — испуганно зашипела Зинаида. — Вдруг подслушивают!

— Кто? — Иван Кузьмич скептически огляделся. — Тараканы? Мыши? Степаныч со своей рацией? Не смешите мои тапки. Тут и подслушивать-то некому, все по углам попрятались.

— Зинаида Павловна права, — сказала Валентина Петровна, понизив голос. — Осторожность не помешает. Итак, друзья, давайте подведём промежуточные итоги. Мы влезли не в ту систему. В результате весь городской транспорт теперь ходит хороводом вокруг нашего дома. Это, конечно, печально, но не смертельно. Технические службы, я уверена, рано или поздно восстановят контроль. Вопрос в другом: что нам делать? Сидеть и ждать, пока нас вычислят, или предпринять что-то?

— А что мы можем предпринять? — развёл руками Иван Кузьмич. — Мы даже не знаем, как эта чёртова система работает! Нажали что-то — и всё, понеслось. Вы, Валентина

Петровна, хоть что-нибудь на экране видели? Куда жать, чтобы отменить?

Валентина Петровна задумалась, вспоминая мелькавшие на экране окна и надписи.

— Видела я немного, — призналась она. — Там было много вкладок, какие-то списки, графики. И, знаете, что мне показалось странным?

— Что? — хором спросили остальные.

— На этом ноутбуке, судя по всему, стояла не одна программа, а несколько. Скорее всего, это был общий компьютер, который использовали для разных задач. И когда мы вошли, система заказа продуктов была где-то рядом, но мы случайно открыли другую программу — ту, что отвечает за транспорт. Она, видимо, была свёрнута, но не закрыта, и наша команда «Создать заявку» попала именно в неё.

— То есть, теоретически, — подхватил Аркадий Моисеевич, — если мы ещё раз попадём в кабинет, мы можем найти и нужную программу, и отменить тот злополучный приказ?

— Теоретически, — кивнула Валентина Петровна. — Но практически есть одно большое «но».

— Какое? — подался вперёд Иван Кузьмич.

— Теперь в кабинет завхоза так просто не попасть, — вздохнула Валентина Петровна. — После такого переполоха там наверняка уже побывали и завхоз, и заведующий, и, возможно, даже полиция. Компьютер могли опечатать или вообще забрать. А Степаныч теперь будет оглядываться на

каждый шорох.

— И к тому же, — добавил Аркадий Моисеевич, — мы не знаем, как выглядит нужная программа. Нам придётся действовать методом тыка, а это в нашем положении смерти подобно.

— Но что-то же надо делать! — Зинаида Павловна сжала кулачки. — Нельзя же просто сидеть и ждать, пока всё само рассосётся! Вдруг они найдут способ вычислить, что команда пришла из нашего дома? И тогда, — её голос задрожал, — нас всех... посадят!

— Не посадят, — попытался успокоить её Иван Кузьмич, хотя в его голосе не было уверенности. — В тюрьму стариков не берут. Им там некого будет кормить.

— Вот именно, — неожиданно согласилась Валентина Петровна. — В тюрьму нас не посадят, потому что это смешно. Но вот отправить в другой дом престарелых, подальше от города, с ещё более строгими порядками — это вполне могут. Или, что хуже, ужесточат режим здесь: запретят выходить из комнат, отберут телефоны, переведут на хлеб и воду. Хотя, как по мне, хлеб и вода — это уже почти курорт по сравнению с тем, чем нас кормят.

— Это точно, — хмыкнул Иван Кузьмич. — Но терять нашу свободу не хочется. Мы и так еле её отвоевали. Так что, я считаю, надо идти до конца. Попробовать вернуться в кабинет и всё исправить.

— Когда? — спросила Зинаида. — Сегодня? Ночью?

— Ночью — это слишком рискованно, — покачал головой Аркадий Моисеевич. — Ночью в коридорах дежурит охранник, и все двери в административное крыло закрыты на ключ. Нам туда не пробраться.

— А если завтра? — предложила Валентина Петровна. — Завтра суббота. Заведующий не придёт, Степаныч, скорее всего, тоже. В выходные в административном крыле никого не бывает, кроме уборщицы, которая приходит утром. Если мы сможем попасть в кабинет утром, до того, как кто-либо проснётся...

— Но дверь-то будет заперта! — напонила Зинаида.

— А вот тут нам пригодится мой опыт, — неожиданно подал голос Иван Кузьмич. — На флоте я не только боцманом был, но и, можно сказать, специалистом по замкам. Открыть простой кабинетный замок отмычкой — для меня раз плюнуть.

— Откуда у вас отмычки? — подозрительно спросила Валентина Петровна.

— А у меня их и нет, — пожал плечами Иван Кузьмич. — Но я могу сделать из подручных средств. Например, из спицы для вязания или из старой вилки. Я тут как-то пробовал ради интереса — получилось.

— Господи, Кузьмич, — Аркадий Моисеевич с уважением посмотрел на боцмана, — вы полны сюрпризов. Но, знаете, взлом кабинета — это уже совсем другая статья. Если нас поймают с отмычками у чужой двери, тут никакая глухота

не поможет.

— А мы не глухие, — возразила Валентина Петровна. — Это вы, Аркадий Моисеевич, придумали, что в крайнем случае будем притворяться глухими. Но я надеюсь, до этого не дойдёт. Нам нужно действовать тихо и незаметно.

— Значит, завтра утром? — уточнил Иван Кузьмич.

— Завтра утром, — кивнула Валентина Петровна. — В восемь часов утра, когда охранник уйдёт на обход территории, а санитарки ещё будут заняты раздачей завтрака, мы попробуем пробраться в кабинет. Если повезёт, дверь будет открыта — Степаныч в спешке мог забыть её запереть. Если нет — Иван Кузьмич применит свои таланты.

— А если нас кто-то увидит? — не унималась Зинаида.

— Скажем, что ищем туалет, — ответила Валентина Петровна. — Или что заблудились. В конце концов, мы в том возрасте, когда заблудиться в собственном доме — обычное дело.

— Особенно если это дом престарелых, — усмехнулся Аркадий Моисеевич. — Тут и здоровый запутается.

На том и порешили. Но, прежде чем разойтись, Аркадий Моисеевич обратился к Валентине Петровне с просьбой:

— Валечка, расскажите поподробнее, что вы видели на экране. Нам нужно быть готовыми к тому, что, войдя в систему, мы столкнёмся с незнакомым интерфейсом. Может, вы запомнили какие-то названия, кнопки, последовательность действий?

Валентина Петровна прикрыла глаза, восстанавливая в памяти увиденное.

— Первое, что бросилось в глаза — это зелёная полоса сверху с надписью «Автоматизированная система управления городским транспортом». Ниже были вкладки: «Карта», «Маршруты», «Светофоры», «Отчёты». Мы с Зинаидой нажали на «Маршруты», и там был список всех маршрутов. Потом, кажется, я случайно нажала на кнопку «Применить шаблон», и система спросила, какой шаблон выбрать. Там был список, и первый пункт — «Прогулка вокруг дома престарелых». Я, не глядя, нажала «Ок», и всё понеслось.

— То есть вы выбрали шаблон, который уже был в системе? — удивился Аркадий Моисеевич. — Это значит, что кто-то заранее создал этот шаблон? Зачем?

— Понятия не имею, — развела руками Валентина Петровна. — Может, для тестирования. Или для каких-нибудь праздничных мероприятий. Ведь наш дом престарелых — не единственный в городе. Вдруг у них был план пустить по выходным специальный экскурсионный маршрут? А мы его активировали.

— Экскурсионный маршрут, который сломал весь город, — хмыкнул Иван Кузьмич. — Отличная шутка, ничего не скажешь.

— Ладно, — вздохнула Валентина Петровна, поднимаясь со стула. — Сейчас не время гадать. Завтра всё увидим своими глазами. А пока — всем отдыхать. И постарайтесь не

нервничать.

— Как тут не нервничать? — проворчала Зинаида, сжимая пакет с недоеденными сушками. — У меня от страха все сушки в рот не лезут.

— А я, наоборот, от страха готов слона съесть, — признался Иван Кузьмич. — Даже эта их гречневая каша сейчас показалась бы вкусной.

Они разошлись, договорившись встретиться в шесть утра в комнате отдыха, чтобы успеть обсудить последние детали. Ночь в доме престарелых прошла беспокойно. За окнами то и дело слышался шум проезжающих автобусов — поток хоть и уменьшился, но не прекратился полностью. Водители, смирившись с абсурдностью ситуации, покорно кружили вокруг дома, ожидая, когда их диспетчеры придумают, как всё исправить. Некоторые из них уже выучили маршрут наизусть и даже начали шутить, что пора открывать сувенирную лавку.

В самой «Тихой гавани» было тихо, но эта тишина была обманчивой. Зинаида Павловна несколько раз просыпалась от ночных кошмаров, в которых её сажали в милицейскую машину и везли в тюрьму, где кормили всё той же переваренной капустой. Иван Кузьмич ворочался, проклиная свою горящую пятку и бестолково придумывая оправдания на случай разоблачения. Аркадий Моисеевич, лёжа с открытыми глазами, размышлял о парадоксах человеческой жизни: всю жизнь прожил честно, никого не обидел, а на старости лет

стал соучастником киберпреступления. И только Валентина Петровна спала на удивление крепко. Ей снились пироги с капустой и вальсирующие светофоры.

А в это время в городской диспетчерской шло экстренное совещание. Начальник транспортного управления, вызванный из дома, нервно ходил по комнате, поглядывая на экраны, которые по-прежнему показывали хаос. Технические специалисты, обливаясь потом, перепробовали всё: перезагружали серверы, отключали питание, вводили аварийные коды — но система упорно не подчинялась. Складывалось впечатление, что она не просто зависла, а выполняла некий раз и навсегда заданный план, и любое вмешательство извне блокировалось.

— Кто это сделал? — в который раз повторил начальник, обводя всех взглядом. — Вы понимаете, что это уже не просто сбой? Это диверсия! Вражеская акция! За нами, между прочим, следят из области!

— Мы пытаемся установить источник сигнала, — докладывал молодой специалист, сидевший за компьютером. — Но система логирования отключена. Кто-то очень грамотно замел следы. Единственное, что мы смогли выяснить, — команда пришла из локальной сети, расположенной в районе Центрального парка.

— Центрального парка? — нахмурился начальник. — Там же, кажется, дом престарелых.

— Да, — кивнул специалист. — Дом престарелых «Тихая

гавань». У них есть компьютер в административном крыле.

— В доме престарелых?! — начальник недоверчиво уставился на него. — Вы хотите сказать, что какой-то дедок взломал городскую транспортную систему?

— Технически, — осторожно произнёс специалист, — да. Но это могли быть и не сами старики. Возможно, кто-то проник в их сеть извне. Или использовал их компьютер как точку входа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.